

Игорь Потоцкий

Городские мотивы

Одесское детство

Доминошные соседи, дворовые таксы-ваксы,
большеногая Наташа подарила леденец,
я учусь пока что в первом необыкновенном классе,
провождает меня в школу замечательный скворец.
Он летает, в небе тает, возвращается обратно,
он поет Одессе гимны, предлагает дружбу мне.
Разговаривать по-птичьи в эту осень мне приятно,
но такие разговоры я веду только во сне.
И лежат в моем портфеле две рогатки и две ручки,
и всего один учебник – нет на остальные сил.
Я уже могу на небе сосчитать все злые тучки:
туча-Зоя, туча-Клава, третье имя я забыл.
Школьный кителек опрятный выглядит невероятно,
бесподобная фуражка скрыла голову мою.
Я несусь сейчас по морю, но вернусь к тебе я, парта,
потому что тебе верность я уже в душе храню.
За окном скворец на клене, облака давно в полоне,
где вы, сказочные пони, убегай скорей, тоска.
И скворец мне тихо шепчет: – Я прошу тебя запомнить,
что я жду тебя у школы. Приходи скорей! Пока!

*

Импровизировал тепло,
когда метели свирепели,

а ты, свернувшись на постели,
молилась, чтоб оно пришло.

Ты, кутаясь в двух одеялах,
все спрашивала у меня:
– Как можно жить без идеала
среди вранья и воронья?

Метель звенела звонче лиры,
и холод мрачно нависал.
Ты спрашивала:
– Где взять силы? –
Я ничего не отвечал.

*

За твоей улыбкой шалой
побегу через сто аллей.
Дорогая девочка Шая,
ты, пожалуйста, не взрослей.

На Приморском бульваре птицы
осуждают твои ресницы.
Я давно уже знаю без птиц –
нет длиннее твоих ресниц.

Мне двенадцать,
тебе пятнадцать,
если чуда не произойдет,
я не буду с тобой встречаться –
ты красива, а я урод.

Застрелюсь я из пистолета,
если мимо пройдет твой взгляд.
И ты будешь грустить все лето,
и оглядываться назад.

Молдаванка

Истерики и перебранки,
и тишина, и вечный гул.
Здесь никогда не били склянки,
но я тебя себе вернул.
Здесь фраера ступали чинно,
блестели финки и ножи.
– Малец, становишься мужчиной! –
кричали бойкие стрижи.
Свои и песни, и баллады,
и бражничанье до утра.
И – аты-баты – кругом банды,
в них главари и шушера.
Цеха подпольные ишачат,
давно уже нет домовых.
И девушки здесь долго плачут,
не разжимая губ своих.
Бумажные взмывают змеи,
здесь долгой не бывать тоске.
Контрабандисты, ротозеи
стоят на шахматной доске.
Свои особенные дурки,
сыграть здесь просто в дурака.
И песни старые о Мурке
звучат, как в прошлые века.

* * *

А потом, когда мы запишемся в лицедеи,
потому что опять на дворе неприглядная тьма,
ты высказывать запросто будешь любые идеи:
как влюбиться в ближнего и не сойти с ума?
Ты наденешь по этому случаю лучшее платье,
смастеришь из спичек дворец и вот, наконец,
ты подумаешь, что больше уже не услышишь проклятий,
и конец всем войнам, и всем обманам конец.

Будешь роли играть, не разучивая их заранее,
будешь песенки петь, где светятся все слова,
и опять, как в детстве, ко мне придешь на свидание,
и чуть-чуть опоздаешь, как водится, из озорства.
Лицедеем быть в нашем городе просто и сложно,
поверяя морю свою тоску и печаль,
обрывая с неба самые крупные звезды,
их даря любимым и официанткам на чай.
Лицедеи знают, что жизнь у них вверх тормашками,
но грустить об этом в городе не резон,
если можно красоткам зимою дарить ромашки,
нарисованные на горизонте, и счастья зонт.
Под волшебным зонтом никогда не отыщешь печали,
жизнь в начале самом, любовь еще с первой строки,
и в невидимые двери стучится кто-то: «Не ждали?» –
и смеется бодро, и протирает очки.
Лицедействуешь смело, играя на виолончели,
сочиня картинку, где два человечка бегут,
а за ними леса, приодевшиеся для акварели,
а над ними маэстро, настроившийся на игру.
Лицедействуй всегда – вот рецепт запоздалого счастья,
улыбайся и пой, как невидимый добрый сверчок,
как рассвет над Одессой, как сказочный самый фломастер,
что рисует судьбу
между букв,
между слов,
между строк.

